

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

1

Язык есть важнейшее средство человеческого общения. Марксистское языкознание указывает, что «везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения». «Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»¹.

Эти основные положения марксистского языкознания, обоснованные в трудах И. В. Сталина, позволяют по-новому поставить основную проблему диалектологии — проблему взаимоотношения общенародного языка, единого для общества и общего для всех классов общества, и его территориально дифференцированных местных диалектов. Единство языка и его дробление на диалекты связаны прежде всего с ролью языка как средства общения. Дифференциация диалектов общенародного языка, границы между диалектами отражают исторически обусловленные границы общения, возникающие внутри единого общественного коллектива в конкретных условиях исторической жизни народов (дробление племен, относительная замкнутость феодальных территорий). Местные диалекты общенародного языка в этом смысле являются его «ответвлениями», т. е. результатом его дифференциации (дробления) в условиях ослабленного общения. При дальнейшем уменьшении или прекращении общения, обычно связанном с распадом общественного коллектива, дифференциация диалектов приводит к распадению общенародного языкового единства, т. е. к превращению диалектов в самостоятельные языки.

С другой стороны, оставаясь в составе общенародного языка, подчиненные ему диалекты не только дифференцируются, но также частично сближаются в процессе речевого общения между представителями соседних диалектов одного языка в меняющихся исторических рамках объединения родственных племен, народности или нации. Общность происхождения ведет к возникновению параллельных или аналогичных изменений на основе общих внутренних законов развития — изменений, постепенно и последовательно охватывающих все диалекты данного языка или более или менее значительную их часть. В то же время речевое общение приводит к взаимодействию между диалектами, к влиянию одного диалекта на другой, к сближению и частичному смешению родственных диалектов.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1954, стр. 12 и 13.

Процессы взаимодействия между диалектами одного языка (или между близко родственными языками, в прошлом являвшимися такими же диалектами) и их смешения не следует отождествлять со скрещиванием неродственных языков, как это прежде ошибочно делали представители так называемого «нового учения» о языке, искавшие поддержки для своих глоттогонических фантазий в выводах современной лингвистической географии. К сожалению, эту методологическую ошибку в настоящее время нередко повторяют и их противники, пытающиеся, неправильно толкуя учение И. В. Сталина о скрещивании языков, отрицать вполне бесспорные факты смешения диалектов одного языка. Ярким образом подобной путаницы может служить статья проф. С. Б. Бернштейна «К проблеме языковых смешений». Проф. С. Б. Бернштейн так и пишет: «Учение о смешении языков (диалектов)»².

Между тем такое механическое и упрощенное перенесение положений И. В. Сталина, относящихся к процессу скрещивания языков, на диалекты одного языка совершенно игнорирует качественную особенность интересующей нас проблемы. Диалекты одного языка, имеющие общие внутренние законы и объединенные частичной общностью грамматического строя и словарного состава, не являются друг для друга непроницаемыми, вступают во взаимодействие и частично сближаются в процессе языкового общения. Такое сближение и смешение между разными диалектами единого общенародного языка является нормальным результатом их использования как средства общения между представителями этих диалектов в рамках исторически сложившегося народного единства. Эти процессы и н т е г р а ц и и (сближения, схождения) имеют для истории диалектов не менее существенное значение, чем процессы д и ф ф е р е н ц и а ц и и (дробления, расхождения)³.

Именно возможность такого взаимодействия и сближения диалектов (в отличие от языков, далеких друг другу или вовсе неродственных) является особенно характерным признаком их принадлежности к одному общенародному языку и наглядным показателем реального единства этого языка, «ответвлениями» которого они являются. Ведь если бы местные диалекты развивались только спонтанно путем внутренней дифференциации и были полностью обособлены и непроницаемы друг для друга, иными словами — если бы не существовало взаимодействия и смешения между диалектами в рамках общенародного языка, которому они подчинены, то как могли бы реально осуществляться те процессы сближения, концентрации и окончательного поглощения местных диалектов, которые свидетельствуют о непрерывно возрастающем языковом единстве сперва народности, потом нации?

С этих методологических позиций требует критического пересмотра также и круг проблем лингвистической географии (или диалектографии). Я считаю необходимым остановиться на этом вопросе несколько подробнее, поскольку в прошлых своих работах я подходил к выводам зарубежной лингвистической географии не всегда достаточно критически. С другой стороны, столь же некритический характер имели за последние годы высказывания некоторых диалектологов, которые, справедливо выступая

² См. С. Б. Бернштейн, К проблеме языковых смешений (сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. II, М., 1952, стр. 305).

³ В подтверждение своей точки зрения, сложившейся в результате долговременных занятий немецкой диалектографией, я могу сослаться на аналогичные выводы, основанные на материале русской диалектологии, в интересной статье В. Г. Орловой «Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа» («Вопросы языкознания», 1953, № 1, стр. 52—70).

против влияния марровских идей в своей области, одновременно недооценивали известные достижения этой так называемой «зарубежной лингвистической географии» (во многом достаточно различной по своим направлениям и выводам), устанавливая мнимую идейную «связь между школами Жильерона и Марра»⁴.

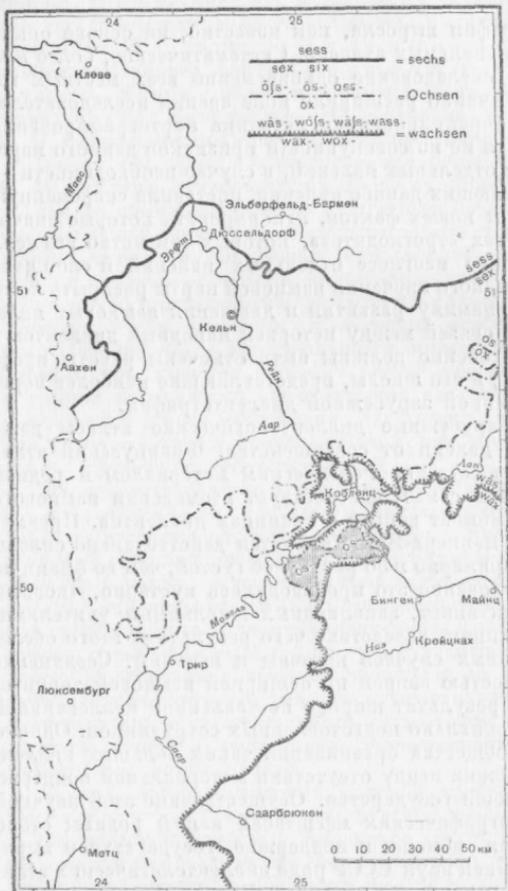
2

Лингвистическая география выросла, как известно, на основе опыта составления больших национальных атласов. Систематическое, более или менее сплошное анкетное обследование одновременно всех местных говоров данного языка необычайно расширило поле зрения исследователя; более совершенная и дифференцированная методика картографирования этого материала, исходящая не из совокупности признаков данного наречия в целом, а из изоглосс отдельных явлений, в случае необходимости — отдельных слов, представляющих данное явление, поставила современную диалектологию перед рядом новых фактов, игнорировать которые значило бы следовать примеру тех «троглодитов», которых так метко высмеял И. В. Сталин. Сопоставление изоглосс отдельных явлений и слов дало возможность вместо статического изучения языковой карты раскрыть исторически обусловленную динамику развития и движения языковых явлений. В установлении этих связей между историей народных диалектов и историей самого народа особенно должны быть отмечены работы проф. Теодора Фрингса (Лейпциг) и его школы, представляющие наиболее передовое направление современной зарубежной диалектографии.

Однако современные зарубежные диалектологические атласы даже в техническом отношении далеки от совершенства. Французский атлас Жильерона, с его преимущественно лексическим материалом и редкой сетью опорных пунктов, тем самым способствует атомизации языкового материала и совершенно снимает вопрос о границах диалектов. Преимуществом немецкого атласа Венкера-Вредэ является действительно сплошное обследование с сетью примерно в 50 раз более густой, чем во французском атласе; однако обследование это производилось кустарно, «косвенным методом», при помощи анкет, заполненных школьными учителями, без фонетической транскрипции, вследствие чего результаты этого обследования в ряде существенных случаев неточны и неполны. Соединение полноты материала с точностью записи на обширной языковой территории возможно только как результат широко поставленной коллективной работы большого числа специально подготовленных сотрудников. Однако в условиях буржуазного общества организация таких больших коллективных работ была невозможна ввиду отсутствия материальной поддержки и организационной помощи государства. Осуществление этой научной задачи в грандиозных географических масштабах нашей родины стало возможным лишь благодаря помощи и поддержке государства и выражается в подготовке Академией наук СССР ряда диалектологических атласов русского языка. Венкер же и его преемник Вредэ, которые с двумя ассистентами в течение 50 лет (1876—1926) собственноручно переносили на карты материал 40 000 анкет, содержавших около 350 слов, и составили таким способом более 1600 карт, представляют печальный, но типичный пример трагедии ученых-новаторов в буржуазном обществе, равнодушном к судьбе большого научного начинания, имеющего общенациональное значение.

⁴ См., например, указ. статью С. Б. Берштейна, стр. 305—306 и в особенности его статью «Труды И. В. Сталина по языкознанию и задачи кафедры славянских языков» (сб. «Славянская филология», Изд-во Моск. ун-та, 1951, стр. 19—20).

Один из характерных недостатков современной зарубежной лингвистической географии отразился также и в интерпретации изоглоссовых атласов. Изолированное рассмотрение языковых явлений по изоглоссам переросло здесь из методики в методологию: происходила своеобразная фетишизация методики изоглоссов.

Слова «sechs, Ochsen, wachsen» в Рейнской области

oks — сев. *ōs* «*Ochse*» (слово торговое) проходит между Кёльном и Коблендом с сохранением реликтового островка со старым *ōs* и к югу от этой границы; *wāsen* как слово нейтральное остается во всей области среднефранкского диалекта; граница южн. *waksen* — сев. *wāsen* проходит к северу от Майнца. Продвижение южных форм на север происходит по Рейну — главному пути торговых и иных сношений в средневековой

атласах западноевропейских языков в ряде случаев было отмечено видимое нарушение так называемых «звуковых законов», т. е. различные границы для слов, принадлежавших к одному звуковому ряду. Классический пример, который всегда приводится в теоретических работах по немецкой диалектографии: ступенчатое расположение границ для слов *seks* — *ōs*, *waksen* — *wāsen* в Рейнской области. Речь идет о выпадении *h* перед *s* в северных немецких диалектах с замечательным удлинением предшествующего гласного, о его переходе в *k* в южных, совпадающих в этом отношении с литературным языком. При поддержке слагающейся верхненемецкой нормы эти слова продвинулись по Рейну из южных диалектов в северные: *seks* (счетное слово) занимает авангардную позицию и в такой форме спустилось почти до голландской границы, границы южн.

Германии; сопоставление карт раскрывает динамику этого языкового процесса. Слова продвигались в зависимости от своего значения, т. е. от своей роли в языковом общении, независимо от условий фонетической закономерности. Какой-нибудь пункт, лежащий внутри этих границ (например, Бонн), будет иметь *ös, wäsen*, но *seks*, т. е. не последовательность в проведении звукового закона.

Тем самым, по утверждению Вредэ, немецкий атлас будто бы показал на фактах неправильность учения младограмматиков о «нерушимости» звуковых законов. «Постулируемая нерушимость звуковых законов требовала, чтобы язык или диалекты, в которых некогда существовавшее *water* перешло в верхненемецкое *wasser*, обнаруживали тот же перебой в словах *besser, beissen, füsse* и т. д., иначе говоря, чтобы передвинутые спранты наличествовали во всех подлинно диалектных примерах; или, чтобы диалект, в котором вместо *hüs* имеется более позднее *haus*, имел бы этот дифтонг вместо прежнего долгого и в таких словах, как *aus, braun, laut, bauer* и т. д., без всяких исключений... На самом же деле существуют диалекты с дифтонгизацией, в которых тем не менее не всякое *ü* перешло в *au*, и диалекты с верхненемецким передвижением, в которых не всякое *t* перешло в *ss*, где, напротив, наличествует *haus* рядом с *us, besser* рядом с *water* и т. д. Венкер ввел реальный момент диалектографической наглядности в спор об идеальной закономерности звуковых переходов»⁵.

Эти положения учителя получили в немецкой лингвистической географии широкое распространение. Так, автор современного учебника по немецкой диалектологии проф. Адольф Бах, подводя методологические итоги достижениям диалектографии, утверждает вслед за Вредэ, что атлас Венкера «не подтвердил постулата младограмматиков», согласно которому звуковые законы не имеют исключений. Напротив, атлас показал, что «в сущности каждое отдельное слово и каждая форма слова имеют в языковом пространстве свою собственную область распространения, свои собственные границы»⁶. «Изменяются слова, а не звуки». Одинаковое развитие сходных по своему звучанию слов является, по мнению Баха, результатом вторичного, позднейшего обобщения, которому не подчиняются нередко многочисленные реликты старого языкового состояния. Поэтому звуковые законы представляют лишь эмпирические рабочие правила, своего рода «правила погоды крестьянского календаря», согласно крылатому выражению романиста Генриха Морфа — одного из более ранних противников младограмматической догмы⁷.

Подобно немецким диалектологам, и Жильерон, основываясь на результатах работы над французским атласом, говорил о «несостоятельности звуковых законов» (*faillite de l'étymologie phonétique*). Выводы эти, однако, ошибочны, так как они основаны на смешении двух принципиально разных языковых процессов, определяющих и характер взаимодействия между диалектами: звуковых законов, как закономерного и спонтанного изменения артикуляции, и движения слов, которые могут быть заимствованы в измененной форме как готовые продукты этого фонетического процесса (например, *seks, oks, waksen*).

Закономерность звуковых изменений артикуляционного (фонетического) характера принадлежит к числу общих законов развития, присущих языку как средству общения: если бы звуки языка не развивались закономерно, развитие языка приобрело бы хаотический характер.

⁵ F. W r e d e, Zur Entwicklungsgeschichte der deutschen Mundartenforschung, «Zeitschrift für deutsche Mundarten», Berlin, 1919, Heft 1/2, стр. 8—9.

⁶ A. B a c h, Deutsche Mundartforschung..., 2-е изд., Heidelberg, 1950, стр. 56.

⁷ Там же, стр. 76—78.

Закономерное звуковое изменение предполагает в своей основе первоначально незначительный, чисто механический сдвиг артикуляции, бессознательный и незаметный для говорящих. Так подходили к проблеме звуковых законов и младограмматики. Звуковые изменения, согласно Остгофу, совершаются «бессознательно для говорящего, чисто механически, в результате изменения артикуляции»⁸. Бругман говорит, что такого рода колебания и сдвиги «настолько незначительны, что они не осознаются как различия ни говорящими, ни слушающими». Между крайними точками германского передвижения согласных, между смычным *k* и спирантом *h*[x], Бругман постулирует «непрерывный ряд минимальных сдвигов артикуляции», которые он условно обозначает как $k... k_1... k_2... k_3... k_4... h$ ⁹.

Такого рода незначительные артикуляционные сдвиги по самому своему характеру не могут иметь исключений: они распространяются на все звуки языка, находящиеся в аналогичных условиях произношения, независимо от значения слова. Если мы возьмем, например, такое фонетическое явление, как замену звонких согласных *b*, *d*, *g* слабыми глухими *p*, *t*, *k* (*braun*, *grös*, *dax* «Dach» и т. д.) и смешение их в определенных фонетических позициях с соответствующими ослабленными глухими *p*, *t*, *k* (*brais*, «Preis», *grais* «Kreis», *diß* «Tisch» и т. д.), то эта особенность артикуляции обнаружится во всех без исключения соответствующих случаях. Более того, как живая произносительная норма диалекта она скажется и в местном произношении литературного языка, и в заимствованных словах (отсюда срывем *babes* «Papst», *balme* «Palme», *dön* «Ton», *gollier* из франц. *collier* и т. п.); при разговоре на иностранном языке она определяет ту характерную особенность «немецкого акцента» (*accent allemand*), которую отметил Энгельс в «Франкском диалекте»¹⁰.

Границы этого явления, разумеется, не знают исключений. По мнению Энгельса, это явление наиболее характерно для верхненемецкого в отличие от нижненемецкого, хотя немецкий лингвистический атлас, основанный на письменном материале, его границ как раз не регистрирует, поскольку корреспонденты атласа, не замечавшие за собой этой особенности произношения, не могли отметить ее в своей «наивной» транскрипции.

Такое же явление чисто фонетического порядка представляет, например, ассимиляторное расширение кратких *i*, *u* перед носовыми в закрытые *e*, *o* в швабском диалекте. И здесь мы имеем незначительный и незаметный для самих говорящих сдвиг артикуляции от открытого *i* (или *u*) к закрытому *e* (или *o*), артикуляторно обусловленный характерной для швабского диалекта назализацией гласных перед носовыми согласными. В таких случаях фонетический закон также не знает исключений: он обычно сохраняется как живая особенность швабского произношения и в разговорной форме литературного языка, как о том свидетельствуют «швабские» рифмы молодого Шиллера (уроженца Вюртемберга), например: *Finger* — *Sänger*, *Gesängen* — *schwingen* и т. п. Границы этого явления для таких

⁸ Н. О s t h o f f, Das physiologische und psychologische Moment in der sprachlichen Formenbildung, Berlin, 1879, стр. 13.

⁹ К. В r u g m a n n, Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft, Strassburg, 1885, стр. 49—50.

¹⁰ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 436. [В качестве типического примера Энгельс приводит высказывание известного немецкого критика Берне (Börne), который «...жаловался в своих парижских письмах, что французы якобы не умеют различать *b* и *p*»; так как упорно полагали, будто его фамилия, которую он произносил как *Perne*, начинается на *p*» (там же, стр. 438).]

слов, как *rey* «Ring», *sepa* «singen», *fenda* «finden» или соответственно *jog* «jung», *hond* «Hunds», *gfonda* «gefunden», будут одинаковы.

Существование такого рода границ было установлено в результате сплошного полевого обследования группы швабских говоров немецким диалектологом Карлом Хаагом, указавшим и на существенное, принципиальное различие между границами изменения звуков и вытеснения слов¹¹. Согласно Хаагу, первые наличествуют там, где мы имеем дело с живым, еще активным изменением звуков в отличие от изменения исторического, уже не активного. Границы такого рода одинаковы для всех слов данного звукового ряда. «Ослабление губной смычки превращает все *b* в *w*; передвижение места смычки вперед превращает все слова типа *ix* в *ic*; расширение (перед *r* или *n*) превращает все *ir* в *er*, все *in* в *en*; поднятие небной занавески уничтожает носовое произношение для всех гласных»¹². В таких случаях изменение произношения младшего поколения по сравнению со старшим происходит незаметным образом; в то же время между географическими пунктами по обе стороны границы существуют постепенные переходы. «Соседние говоры обнаруживают при этом по большей части лишь незначительные количественные различия, как бы медленное увеличение или уменьшение соответствующих явлений; поэтому их географическое распространение лишь в редких случаях может быть установлено в точности. Такое активное звуковое изменение имеет чаще всего текущие границы...»¹³. Число подобных границ, согласно Хаагу, невелико, но по своему весу (т. е. по количеству охватываемых ими слов) они весьма значительны. Добавим, что методами косвенного опроса, практикуемыми немецким атласом, они менее всего могли быть установлены. Но и французский атлас с его редкой сетью изолированных опорных пунктов не мог, в силу этого несовершенства своей техники, обнаружить их существование. Они могли быть открыты только в результате сплошного «полевого» обследования.

На сходное явление натолкнулся другой представитель «полевой диалектологии» Карл Боненбергер. На юго-востоке Вюртемберга он констатировал ряд незаметных переходов от швабского (обшверхненемецкого) аспирированного *kh* в начале слова через аффрикату *kx* к швейцарскому спиранту *x*. «Смычный произносится на границе с такой сильной аспирацией, что нужно прислушиваться очень пристально и много раз, чтобы отличить его от аффрикаты или спиранта»¹⁴. Это наблюдение Боненбергера над современными диалектами подтверждает гипотезу Бругмана о «непрерывном ряде минимальных сдвигов артикуляции» при передвижении *k* в *x*. Школьная формула звукового закона $k > x$ представляет в сущности лишь интеграцию этих непрерывных переходов, обозначающую конечные точки процесса передвижения.

При наличии в разных диалектах одного языка сходных тенденций развития, определяемых общими внутренними законами, такое закономерное звуковое изменение, заложенное в особенностях артикуляции, постепенно распространяется на ряд соседних диалектов. Пример соседнего диалекта при распространении подобного фонетического новшества

¹¹ См.: K. H a a g, Die Mundarten des oberen Neckar- und Donaulandes, Reutlingen, 1898, стр. 88 и сл.; e r o ж e, 7 Sätze über Sprachbewegung, «Zeitschrift für hochdeutsche Mundarten», Bd. I, Heidelberg, 1900, стр. 138—141.

¹² K. H a a g, Sprachwandel im Lichte der Mundartgrenzen, «Teuthonista», Jg. 6, Halle, 1929/30, стр. 8.

¹³ K. H a a g, Die Mundarten des oberen Neckar- und Donaulandes, стр. 88; e r o ж e, Über Mundartengeographie («Alemannia», Bd. 29, Bonn, 1901, стр. 238).

¹⁴ K. B o h n e n b e r g e r, Die Grenze von anlautendem *k* gegen anlautendes *ch* («Alemannia», Bd. 28), 1900, стр. 235.

может иметь существенное значение; однако он является в сущности лишь толчком для спонтанного развития потенциальных возможностей, присущих уже артикуляции данного диалекта. Существенно также отметить, что такого рода закономерные сдвиги артикуляции нередко одновременно охватывают целую серию однородных в артикуляционном отношении звуков: ср. в немецком параллельную дифтонгизацию $\bar{i} > ai$, $\bar{u} > au$ как гласных высокого уровня, одновременную делабиализацию огубленных умлаутов $\bar{ü}$, $\bar{ö}$, одновременную потерю звонкости смычных b , d , g и т. п. Однако эти особенности закономерных артикуляционных изменений не имеют универсального характера: так, спирантные \bar{b} , \bar{d} , \bar{g} имеют в германских языках, в частности и в немецких диалектах, различную судьбу и, следовательно, разные границы, и это расхождение вполне оправдано с фонетической точки зрения существенными особенностями артикуляции, отличающими эти звуки друг от друга.

Распространение закономерного фонетического изменения останавливается у границ языкового общения, определяющихся чаще всего предпосылками хозяйственно-политического характера, а в известной степени и физико-географическими факторами. Это распространение может останавливаться и там, где прекращают свое действие вызвавшие данное изменение фонетические условия (обособленная фонетическая система нижне-немецкого в большинстве случаев оказалась непроницаемой для фонетических изменений верхне-немецких диалектов). У таких границ, как у плотин, в результате ряда постепенных, незначительных и незаметных сдвигов артикуляции, накапливаются и интегрируются существенные различия, и с течением времени может установиться довольно значительная разница уровня. Количество накопившихся незначительных артикуляционных изменений переходит в новое фонологическое качество с четким противопоставлением крайних ступеней процесса: по одну сторону границы смычные t , p , k , по другую — спиранты s , f , x (граница верхне-немецкого передвижения: *water* — *wasser*, *open* — *offen*, *maken* — *machen*); по одну сторону долгие гласные \bar{i} , \bar{u} , по другую — дифтонги ai , au (дифтонгизация узких долгих: $\bar{i}s$ — ais «*Eis*», $\bar{h}us$ — $haus$ «*Haus*»). В результате у таких границ указанные выше формы противопоставляются друг другу уже не как артикуляционные варианты одного слова, а как четко дифференцированные лексические дублеты. Если затем граница полностью или частично снимается и возобновляется более или менее интенсивное языковое общение, — начинается передвижение отдельных слов, при котором каждое слово, независимо от другого, может, по крайней мере в принципе, иметь свою судьбу, обусловленную его значением и употреблением. В этом случае, в отличие от первого, мы имеем дело не с закономерным фонетическим изменением, а с передвижением или вытеснением слов. К таким именно случаям и относятся факты, отмеченные Жильероном, Вредэ и их учениками. Из примеров, приведенных Вредэ, именно такой случай представляет слово *besser* (рядом с *water* «*Wasser*» и др.), которое проникает на территорию нижне-немецкого вместе с небольшим числом широко употребительных слов общенародного языка (например, *zwei*, *Salz* и некоторые другие) при поддержке литературной нормы национального языка, тогда как в другом примере *haus* — *us* имело значение и различие фонетическое (условия ударения).

4

Наглядным примером закономерного и спонтанного звукового развития является уже упомянутая дифтонгизация узких долгих гласных $\bar{i} > ai$, $\bar{u} > au$ ($\bar{i}s > ais$ «*Eis*»; $\bar{w}in > \bar{w}ain$ «*Wein*»; $\bar{h}us > haus$, $\bar{b}r\ddot{u}n > braun$ и т.п.). Процесс этот, по показаниям письменных памятников, распространяется на

территории верхненемецких диалектов с XII по XVI вв. с крайнего юго-востока (баварско-австрийское наречие), постепенно охватывая все верхненемецкие диалекты, кроме крайнего юго-запада (Эльзас и Швейцария) и северной полосы средненемецкого (диалекты рипуарский, нижнегессенский, западнотюрингенский), и становится одним из важнейших признаков новонемецкого национального литературного языка. Дифтонгизация останавливается у границ общения (растущее обособление Эльзаса и Швейцарии от средневековой Германской империи), но также и на пороге диалектов, значительно отличающихся по своей фонетической системе (нижненемецкий). Характерно также, что во всех верхненемецких говорах, не имеющих дифтонгизации, узкие долгие гласные полностью или частично подверглись сокращению, т. е. возникли особые фонетические условия, препятствовавшие дифтонгизации. Ср., например, в рипуарском: *jlic* «gleich», *duf* «Tauben»; с расширением сокращенного гласного по общему закону этого диалекта (*i* > *e*, *u* > *o*): *zek* «Seite», *wey* «Wein»; *krok* «Kraut», *brōj* «braun»; в нижнегессенском: *win* «Wein», *pif* «Pfeifen»; *mül* (mül) «Maul», *hut* (hüt) «Haut»; в эльзасском: *tsid* «Zeit», *bisə* «beissen»; *hüs* «Haus», *süfə* «saufen» (палатализация \bar{u} > $\bar{ü}$ по общему закону этих диалектов) и т. д.

На окраинах дифтонгирующих диалектов, в области более поздней дифтонгизации, остались более узкие варианты дифтонгов: в пшавском *ei*, *eu* (или *ei*, *ou*): *eis* (eis), *haus* (haus); в мозельских говорах *ei* (ei), *ou* (ou): *eis* (eis), *haus* (haus). С другой стороны, верхненемецкие диалекты (и некоторые нижненемецкие), не затронутые общим процессом дифтонгизации, обычно имеют дифтонги, также более узкого типа, в особых фонетических условиях — внутри слова перед гласными и на конце слова (так называемая «дифтонгизация в зиянии»). Ср. в рипуарском: *drei*, *šreiə* «schreien»; *sou* «Sau», *boiən* «bauen»; в эльзасском: *frei*, *šreiə*, «schreien»; *spī* «Sau», *bpīə* «bauen» (также с обычной для этого диалекта палатализацией *au* > *oi*).

Границы дифтонгизации \bar{i} и \bar{u} не всегда в точности совпадают; не совпадают они в некоторых случаях и для отдельных слов одного звукового ряда. Однако отмеченное Вредз довольно значительное расхождение между границами $\bar{i}s$ — *eis*, $\bar{w}in$ — *wein* в Рейнской области (в долине р. Аар и южнее) объясняется фонетическими условиями — веларизацией конечного *-n* > *-ŋ*, свойственной рипуарскому диалекту, с одновременным сокращением узкого долгого гласного: южная граница сохранения монофтонга в словах типа *win* «Wein», *bruy* «braun» совпадает с границей веларизации¹⁵. Отпадение конечного *n* и назализация создают и в других районах особые фонетические условия для таких слов, как *wein*, *braun*. Аналогичное расхождение, отмеченное в вышеприведенном примере Вредз между границами $\bar{h}üs$ — *haus* и $\bar{u}s$ — *aus*, также объясняется фонетически — условиями ударения. «Зона вибраций», как отметил Фрингс, совпадает с границами мелких феодальных территорий между курфюршеством Кельнским и Трирским, в границах которых сложились рипуарский и мозельский диалекты.

Для таких «зон вибраций» характерно установление переходных закономерностей дифтонгизации, имеющих, однако, фонетический, а не лексический характер. Например, в люксембургских говорах (юго-западная часть мозельского диалекта) оба дифтонга представлены в двух вариантах, более широком и более узком: \bar{i} > \bar{ai} — *ai*, \bar{u} > \bar{ou} — *au*. Более узкий вариант характеризует старые односложные слова, а также многосложные при последующем глухом сильном согласном. Ср.: *wäis* «weiss», *bäisən*

¹⁵ См. Н. Aubin, Th. Frings, J. Müller, Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Geschichte, Sprache, Volkskunde. II — Th. Frings, Sprache, Bonn, 1926, стр. 153, 161 и карты 52, 56.

«beissen», *mous* «Maus», *loušdərən* «lauschen». Широкий вариант отличает слова, ставшие односложными в результате редукции неударного гласного окончания, и многосложные перед слабыми глухими, звонкими и перед гласными (в зиянии). Ср. там же: *šbais* «Speisen», *draiwo:n* «treiben», *frai:n* «freien»; *šrau* «Schraube», *dauzənt* «tausend», *mauər* «Mauer». Недифтонгизованный гласный сохраняется в случаях сокращения — перед веляризованным конечным *-n* (-ŋ), *-d* (-t): *pe:n* «Pein», *rödən* «reiten»; *broy* «braun», *krodən* «kraulen» (с закономерным переходом *i* > *ö*, *u* > *o*, свойственным южнонемецким говорам)¹⁶. Точно так же на юго-западной границе швабской дифтонгизации различаются положения перед носовыми, перед *r*, перед *x*; границы дифтонгизации в этих положениях значительно отклоняются от остальных случаев¹⁷.

Это показывает, что общий закон дифтонгизации узких долгих явился результатом обобщения ряда частных процессов, обусловленных более или менее благоприятными фонетическими позициями, значение которых в дальнейшем отпало. Однако все эти частные отклонения имеют фонетические (а не лексические) причины и фонетически закономерный характер, присущий звуковому закону в целом.

Вопрос о распространении новых дифтонгов теснейшим образом связан с проблемой образования немецкого литературного языка, поскольку дифтонгизация долгих является его наиболее характерным фонетическим признаком. Мюлленгоф, в особенности же Конрад Бурдах и его школа сводили эту проблему к унификации письменной нормы и склонны были отождествлять процесс дифтонгизации, зарегистрированный в письменных памятниках, в первую очередь — в канцелярской переписке немецких князей и городов, с последовательными этапами изменения народного языка, будто бы усвоившего новые дифтонги под влиянием письменного литературного образца, в конечном счете — под воздействием наиболее авторитетной в XIV — начале XV в. письменной нормы императорской пражской канцелярии¹⁸.

Эта точка зрения в недавнее время была еще раз выдвинута представителем лингвистической географии Куртом Вагнером с позиции модной в зарубежном языкознании реакционной теории «опустившихся культурных ценностей» (*gesunkenes Kulturgut*). Согласно Вагнеру, новые дифтонги переносятся «из одного культурного центра в другой, происходит излучение из княжеских канцелярий в городские, а оттуда — в сельские местности, в диалект»¹⁹.

Однако эта теория, ошибочная с методологической точки зрения, полностью опровергается и языковыми фактами. В пользу устного распространения новых дифтонгов говорит наличие фонетически закономерной дифтонгизации и в таких случаях, которые противоречат норме письменного литературного языка. Например, в средненемецких диалектах, где группа срвнем. *iu* (*u*) (новонем. *eu*) отражается как *ü*(*u*), это *ü* также подвергается дифтонгизации в *au*: ср. *pai* «neu» (срвнем. *niuwe*), *auch*

¹⁶ Н. P a l g e n, Studien zur Lautgeographie Luxemburgs, Luxemburg, 1948, стр. 18—20.

¹⁷ Н. F i s c h e r, Geographie der schwäbischen Mundart, Tübingen, 1895, стр. 37—39 и карты 12 и 5.

¹⁸ Ср. полемику по поводу книги ученика Бурдаха А. Берндта (A. B e r n d t, Die Entstehung unserer Schriftsprache, Berlin, 1936). См. пер.: E. S c h w a r z, Die Grundlagen der neuhochdeutschen Schriftsprache, «Zeitschrift für Mundartforschung», Jg. 12, Heft 1, 1936, стр. 1—15 и L. E. S c h m i t t, Zur Entstehung und Erforschung der neuhochdeutschen Schriftsprache, там же, Heft 4, стр. 193—223; см. также пер. В. Ж и р м у н с к о г о на труды Т. Фрингса в журн. «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1940, № 2, стр. 140—142.

¹⁹ К. W a g n e r, Deutsche Sprachlandschaften, Marburg, 1927, стр. 37.

«euch» (срвнем. *iuwich*), *fauer* «Feuer» (срвнем. *fiur*) и мн. др. О том же свидетельствует зависимость дифтонгизации от определенных фонетических условий (т. е. условий устного произношения), например — от наличия или отсутствия зияния, диалектного сокращения долгого гласного, последующего *n* и т. п., там, где литературная норма этих условий не знает. Поэтому прав был младограмматик Вильгельм Брауне, когда, полемизируя с Мюлленгофом, теория которого господствовала в это время, он писал еще в 1874 г., что объяснить характер распространения новонемецких дифтонгов можно «только исходя из народного языка». Там, где новые дифтонги наличествовали «в языке простого человека», там они отразились и в письме; там, где в народном языке дифтонги отсутствовали, они отсутствовали и в письменном языке, «несмотря на пражскую канцелярию», или во всяком случае не получили общего распространения²⁰.

Однако и защитники устного распространения дифтонгов нередко рассматривают это распространение как механическое заимствование из первоначального баварско-австрийского «очага», как своего рода «моду», импортированную в большинство немецких диалектов со стороны, а не как спонтанное и органическое развитие фонетической системы этих диалектов по присущим этой системе фонетическим законам. Эту точку зрения наиболее отчетливо сформулировал Бремер в своей «Немецкой фонетике»: «В конце древневерхнемецкого периода мы знаем на юго-востоке области распространения немецкого языка лишь небольшой клочок земли, где этот „звуковой закон“ возник органически. Во всей остальной Германии дифтонги — не автохтонного (местного) происхождения, а были заимствованы, потому что казались современными» (*weil sie modern waren*)²¹.

Нельзя, конечно, согласиться с тем, что народно-разговорный язык, как думает Бремер, изменяется под влиянием «моды», распространившейся «сверху» или «заимствованной» у соседей. Но против этой точки зрения, помимо принципиальных соображений, говорит и самый характер распространения дифтонгов. Соответствующие языковые карты показывают, как процесс дифтонгизации совершался во времени, как он постепенно слабел вместе с продвижением к периферии, так что старый центр дифтонгизации (баварско-австрийское наречие) имеет в настоящее время наиболее широкие варианты дифтонгов (*ai*, *ae* — *au*, *ao* с тенденцией в среднеавстрийском к дальнейшей монофтонгизации > \bar{a}), тогда как периферия сохраняет наиболее узкие варианты (на Рейне *ei* — *ou*, в Швабии — *zi* — *zu*) с рядом постепенных переходов между ними. При этом на крайней границе дифтонгизации (в некоторых западнотюрингенских, нижнегессенских, южношвабских говорах) засвидетельствованы и ее начальные, еще недоразвившиеся ступени (*ii*, *uz*).

Таким образом, дифтонги не заимствовались в готовом виде из «очага» дифтонгизации, а развивались спонтанно, раньше всего в центре, потом на все более отдаленной периферии; процесс дифтонгизации как в пространстве, так и во времени протекал постепенно как незаметный сдвиг артикуляции в целом (иными словами, как «звуковой закон» указанного выше типа) — от долгих \bar{i} , \bar{u} с двухвершинным ударением, через ряд последовательно расширяющихся дифтонгических вариантов ...*ii*, *uz* .. *ei*, *ou*... *ei*, *ou*... *ai*, *au* ... *ai*, *au*... *ae*, *ao* (или *ai*, *au*) вплоть до новых монофтонгов типа среднеавстрийского \bar{a} . Лишь там, где наличествовал разрыв в этой непрерывности, у границ общения между соседними

²⁰ См. W. Braune, *Zur Kenntnis des Fränkischen und zur hochdeutschen Lautverschiebung*, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. I, Halle, 1874, стр. 36—37.

²¹ O. Bremer, *Deutsche Phonetik*, Leipzig, 1893, стр. XII.

говорами, совпадавших в большинстве случаев в немецких условиях с границами феодальных территорий, в результате интеграции незначительных сдвигов артикуляционного характера возникли резкие фонологические противоположности (недифтонгизированных i , $ü$ и соответствующих дифтонгов, например, ei , oi или ai , au и т. п.). Только в таких случаях, при последующем изменении границ общения, могли передвигаться отдельные слова, «заимствованные» из соседнего говора (или в более позднее время — из литературного языка), и тем самым — образоваться расхождения между изоглоссами. Однако, как уже было сказано, для дифтонгизации узких долгих число таких расхождений немногочисленно, они ограничены относительно узкими переходными «зонами вибраций» и в ряде случаев объясняются дополнительными факторами чисто фонетического характера.

Спонтанный и закономерный характер дифтонгизации узких долгих в верхненемецких диалектах подтверждается наличием подобной же дифтонгизации i , $ü > ai$, au в новонидерландском литературном языке и ряде его говоров — с одной стороны, в английском языке — с другой. Самостоятельное происхождение имеет, повидимому, и дифтонгизация в вестфальском (нижненемецком) наречии, охватывающая, однако, не только узкие, но большинство других — долгих и удлинненных гласных. Широкий характер этого явления подсказывает необходимость общего объяснения, основанного на внутренних законах фонетического развития германских языков. Такого объяснения справедливо искали в особенностях присущего этим языкам сильного динамического ударения, результатом которого является тенденция к усилению, а в некоторых случаях (прежде всего в открытых слогах) и к удлинению ударного гласного²².

Правда, многие германские языки и значительная часть немецких диалектов, несмотря на наличие динамического ударения, не имеют дифтонгизации: обстоятельство, требующее дальнейшего объяснения. Согласно теории, выдвинутой Вредэ, решающим фактором в этом процессе явилась вызванная германским силовым ударением редукция неударных гласных, имевшая результатом в южнонемецких и в значительной части среднемецких диалектов отпадение конечного неударного $-e$. Отпадение $-e$ вызвало, по Вредэ, замснительное удлинение коренного слога, сверхдолготу и облученное (двухвершинное) ударение, которое явилось в дальнейшем источником дифтонгизации²³. Вместе с редукцией распространяется с юго-востока на север, как спонтанный фонетический процесс, и дифтонгизация узких долгих гласных. Сходным образом может быть объяснена дифтонгизация в английском и в нидерландском языках, где конечное $-e$ также отпадает, тогда как в большинстве нижненемецких диалектов, не имеющих дифтонгизации, конечное $-e$ сохраняется, либо отпадение представляет сравнительно позднее явление.

Хотя теория Вредэ и не дает полного объяснения всех вопросов, связанных с дифтонгизацией, она, однако, имеет то несомненное преимущество, что связывает это явление с общими внутренними закономерностями развития фонетической системы немецкого языка и его диалектов в целом²⁴.

Вместе с тем нельзя признать правильной и точку зрения Брауне, когда он рассматривает дифтонгизацию в духе биологического натурализма младограмматиков как «некое природное явление (ein Naturereignis)

²² Ср.: G. Baesecke, Einführung in das Althochdeutsche, München, 1918; A. Schmitt, Akzent und Diphthongierung, Heidelberg, 1931 и др.

²³ F. Wrede, Die Entstehung der neuhochdeutschen Diphthonge, «Zeitschrift für deutsches Altertum», Bd. 39, Berlin, 1895, стр. 257—300.

²⁴ См. В. М. Жирмунский, К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка, «Доклады и сообщения [Ин-та языковедения]», т. V, М., 1953, стр. 81.

в области немецкого языка), настолько мощное, что канцелярский (шире говоря, письменный) язык бессилён был оказать ему поддержку или воспрепятствовать его развитию. Социальная норма имела существенное значение в процессе живого языкового общения с соседями, которое, со своей стороны, подталкивало и ускоряло спонтанное развитие местного диалекта. Не менее существенное значение имела норма в развитии письменного литературного языка: проникновение дифтонгов в канцелярский язык отнюдь не являлось только пассивным отражением живого произношения; не меньшее значение имели воспроизведение орфографии авторитетных образцов, слагающаяся традиция письма. Об этом свидетельствует, например, практика аугсбургской (восточношвабской) канцелярии, в которой после краткого периода дифтонгических написаний (конец XIII в.), вероятно, под влиянием баварского письменного образца, следует длительный (до середины XV в.) период отступления дифтонгов²⁵. Вряд ли кто-нибудь решится предположить, что и в народно-разговорном языке Аугсбурга в конце XIII в. утвердились дифтонги, чтобы потом исчезнуть на полтора века и снова возникнуть во второй половине XV в.

Вместе с письменной нормой литературного языка новые дифтонги проникают в письменные памятники Эльзаса (начало XVI в.), Швейцарии и северной Германии (конец XVI — первая половина XVII в.), несмотря на то, что соответствующие диалекты до сих пор сохранили здесь старые долгие гласные. Под влиянием книг, школы, устного общения норма национального языка постепенно получает всеобщее распространение на территории Германии, сосуществуя с характерными особенностями местных диалектов как подчиненной формы общенародного языка. В результате дифтонги распространяются повсеместно, на этот раз не путем спонтанной дифтонгизации, а как ее готовый продукт. В устной обиходной речи эти дифтонги литературного языка всегда получают местную окраску в соответствии с фонетической системой диалекта, в связи с чем в произношении появляются в известных пределах более открытые или закрытые варианты нормальных типов (*ei* — *äi* — *ai* — *ae*, *ou* — *äu* — *au* — *ao* и т. п.).

5

Примером продвижения нового фонетического явления в результате вытеснения слов может служить распространение верхненемецкого передвижения («перебоя») согласных вниз по Рейну, в области франкского наречия.

Вопрос этот стоит в центре гениальной работы Энгельса «Франкский диалект». Согласно формуле Энгельса, «...передвижение проникло в рейнско-франкское наречие, уже самостоятельно развившееся, и разорвало его на несколько частей»²⁶. Энгельс первый указал, что верхненемецение франкского диалекта происходило путем продвижения отдельных слов с передвинутым консонантизмом. В бергском процессуальном кодексе XIV в. он находит: перебой $t > z$ в словах *zween* «*zwei*», *bezahlen* и рядом сохранение непередвинутого t в словах *setten* «*setzen*», *dat nuttete* «*das nützlichste*»; *Dache* с передвижением $k > x$ и *reicket* «*reicht*» с сохранением непередвинутого k ; *urheven* «*aufheben*», *hulper* «*Helfer*» с непередвинутым p и *verkouffen* с передвижением $p > f$; и даже в одном и том же слове *zo* «*zu*» с перебоем и *tho* (*tō*) без перебоя²⁷. Энгельс отметил также, что рипу-

²⁵ См. F. Kauffmann, *Geschichte der schwäbischen Mundart*, Strassburg, 1890, стр. 66.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XVI, ч. I, стр. 424—425.

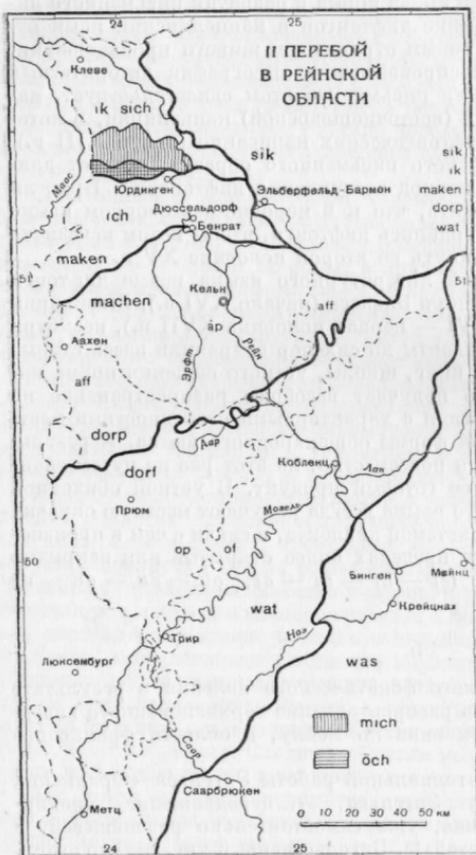
²⁷ См. там же, стр. 426—427.

арский диалект Кёльнской области, представляющий северную часть верхненемецкого (так называемого среднефранкского) наречия, на самом деле подвергся лишь позднему и поверхностному верхненемецению и по большинству своих признаков, кроме перебоя, имеет «по существу» нижненемецкий характер²⁸, оставаясь и сейчас тесно связанным с соседним

нижнефранкским. «Как всегда, эта последняя волна, занесшая верхне-немецкое передвижение согласных на франкскую территорию, — самая слабая и мелкая», — устанавливает Энгельс²⁹.

Эти положения Энгельса были впоследствии полностью подтверждены рейнскими диалектографами XX в., в особенности проф. Фрингом, в их многочисленных специальных исследованиях. Познакомившись впервые в 1946 г. с работой Энгельса по изданию Института Маркса — Энгельса — Ленина (1935), проф. Фрингс должен был признать: «То, что мы обнаружили на Рейне в процессе кропотливой и напряженной работы, на 40 лет раньше уже стояло перед взором Энгельса»³⁰.

Фрингс относит распространение перебоя в Рейнской области до его самой северной границы (так называемой линии Ürdingen) к периоду от 800 до 1500 г. «Процесс этот, — говорит Фрингс, — имел характер постепенного верхненемецения; при этом сохранилось множество исключений». В сущности следует говорить не о передвижении звуков (Lautverschiebung), а о словах с передвинутыми звуками (lautverschobene Wörter)³¹. Смещение между франками и алеманнами

Передвижение согласных в Рейнской области
(по Фрингсу)

после победы Хлодвига в 496 г. и продвижение франков в алеманнские земли в южной части рейнской области создало первые предпосылки для распространения передвижения на север из южнонемецкой

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 424.

²⁹ Там же, стр. 427.

³⁰ Th. Frings, Friedrich Engels als Philologe, «Tägliche Rundschau» (Berlin), 18 VIII 46, стр. 3.

³¹ Th. Frings, Germania romana, Halle, 1932, стр. 210.

(баварско-алеманнско-лангобардской) области, где оно зародилось; в 1000 г. формы с перебоем в основной своей массе «стоят перед поротами Кёльна»; около 1200 г. они достигли так называемой линии Бенрата (примерно на 10 км южнее Дюссельдорфа), где проходит в настоящее время граница основных явлений передвижения; около 1500 г. отдельные авангардные формы достигли линии Урдингена (примерно 25 км к северу от Дюссельдорфа). Это последнее, самое позднее продвижение связано, как доказал Фринге, с территориальной экспансией курфюршества Кёльского в северном направлении, с включением в его состав ряда мелких феодальных территорий, лежащих между Кёльном и расположенным от него к северу герцогством Клеве, «с распространением Кёльской культурной зоны вниз по Рейну в сторону Мааса». Таким образом, процесс распространения перебора в область франкского диалекта продолжался в целом без малого 1000 лет³².

Мы имеем основание предполагать, что в области своего первоначального зарождения, в южнонемецких диалектах, второе передвижение согласных также имело характер спонтанного и закономерного фонетического процесса (по схеме Бругмана), связанного с ослаблением смьчки, повидимому, — под влиянием сильного динамического удара (переход смьчных *t*, *p*, *k* в спиранты и аффрикаты)³³. Только в древнеюжнонемецких диалектах перебой имеет вполне систематический характер, охватывая все три названных звука и, повидимому, все, без исключения, слова. В франкский диалект проникают уже готовые результаты этого перебора, как серия заимствованных слов, постепенно ослабевая, как указывает Энгельс, по мере своего продвижения на север.

Постепенный характер проникновения перебора в рейнскую область определил ступенчатое расположение в этой области границ отдельных явлений перебора, послужившее основанием и для обычного подразделения франкского наречия на ряд диалектов по призывкам перебора (верхнефранкский — рейнскофранкский — среднефранкский — нижнефранкский). Представители современной лингвистической географии, в особенности Фринге, справедливо указывают (как и Энгельс) на поверхностный и схематический характер этой классификации; однако она наглядно показывает характер ступенчатого продвижения перебора в направлении с юга на север.

Франкское наречие в целом не имеет перебора *k* в аффрикату *kx* (в древнебаварском и древнеалеманнском *chint* [kxint] «Kind»). Большая часть франкских диалектов (кроме верхнефранкского) не имеет также перебора *p* в аффрикату *pf*. К югу от Шпейера, около Гермерсгейма на Рейне, проходит линия передвижения *p > pf* (*appel* — *apfel*). Южнонемецкие диалекты, включая и верхнефранкский, имеют *apfel*, среднемецкие — *appel*. Значительно ниже по Рейну, несколько севернее Бахараха, по склону Гунсрюка, проходит граница, отделяющая рейнско-франкские диалекты (на юге) от среднефранкских (на севере). В среднефранкском сохранились не подвергшиеся передвижению формы местоимений *dat* «das», *wat* «was», *et* «es» и некоторые другие (тогда как в целом, как и всюду в верхнемецком, наличествует передвижение *-t* после гласного в *-s(-ss)*: ср. ннем. *water* — ннем. *wasser*, ннем. *gröt* — ннем. *gross*). В среднефранкском различают две области: на юге — мозельскую, на севере — ризуарскую, в основном соответствующие феодальным территориям кур-

³² Th. Frings, Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache, Halle, 1948, стр. 5—7.

³³ См. В. Ж и р м у н с к и й, К вопросу о внутренних законах развития немецкого языка, стр. 81.

фюршеств Трирского и Кельнского и связанных с ними более мелких феодальных владений. Граница между ними проходит по долине р. Аар и горному хребту Эйфель: к северу, в рипуарском, отсутствует передвижение *-rp, -lp > -rf, -lf* (*dorp «Dorf», helfen «helfen»*). Наконец, линия Бенрата (северная граница рипуарского) отделяет основные явления верхненемецкого передвижения от нижненемецкого (нижнефранкского), где эти явления отсутствуют (*-t, -p, -k* после гласных переходят в спранты *s(ss), f(ff), ch*: ср. нем. *water* — внем. *wasser*, нем. *open* — внем. *offen*, нем. *maken* — внем. *machen*; *t* — в начале слова и в удвоении переходит в аффрикату *ts*: нем. *tunge* — внем. *zunge*, нем. *setten* — внем. *setzen* и т. п.). Еще дальше распространяются отдельные слова с передвижением, обогнавшие общую границу перебоя: *ich, och «auch»* вместо нем. *ik, ök* (в области, где сохраняются *maken «machen», rik «reich»* и др.).

От линии Бенрата до линии Урдингена проходит полоса говоров, переходных между рипуарским и нижнефранкским. В эту переходную зону, прежде всего в городские говоры, проник ряд слов с передвижением, в особенности с аффрикатой *ts* вместо нем. *t* (например, в словах *Salz, Herz, Holz, Schwanz, zwei, Zeit* и некоторых других), реже с перебойными спрантами (например, в словах *Küche, besser, gross, weiss* и некоторых других). Все это по преимуществу широко употребительные слова основного словарного фонда. Эту зону пересекает также граница передвижения для прилагательных с суффиксом *-lich* (нем. *-lik*), точнее — ряд линий, различных для разных слов³⁴. Значительно севернее линии Урдингена проникли перебойные формы личных местоимений *mich, dich, euch* и дальше всего возвратное *sich*. Личные местоимения на *-ch*, как и возвратное *sich*, целиком как грамматические формы заимствованы из верхненемецкого; нижненемецкий имеет общую форму дательного-винительного единственного числа без дифференцирующего окончания (нем. *mī, dī* и т. д.) и вместо возвратного употребляет косвенный падеж местоимения 3-го лица (*hem, et «ihm»*). Форма *sik*, встречающаяся в настоящее время в нижненемецких диалектах, является результатом «нижненемечения», т. е. приспособления заимствованных верхненемецких форм к нормам нижненемецкой фонетики³⁵.

Свидетельством постепенного, сравнительно позднего проникновения верхненемецкого перебоя в область среднефранкского, в особенности, как указывал Энгельс, рипуарского, в меньшей степени мозельского, являются многочисленные реликты слов без передвижения, которые по своему характеру могут быть разбиты на несколько групп.

1. Кроме местоимений *dat, wat, et, det «dieses»*, сохранивших неподвижное *-t* в границах всего так называемого среднефранкского наречия, к той же категории служебных или полуслужебных слов относится также бесперебойное *op «auf»*, южная граница которого доходит до долины Мозеля. Все это слова односложные, не имеющие параллельных двусложных форм, ослабленные в акцентном отношении и благодаря этому, повидному, выпадающие из фонетического «поля внимания». В рипуарском не имеют передвижения также полуслужебные глаголы *mōt «muss», let «liess»*, близкие по своему значению и акцентуации к другим словам этого типа. Без перебоя сохраняются также во всем среднефранкском окончании *-et* (вместо внем. *-es*) сильных прилагательных среднего рода, но только при синтаксически самостоятельном (или субстантивированном) употребле-

³⁴ См.: Th. Frings, Studien zur Dialektgeographie des Niederrheins zwischen Düsseldorf und Aachen, Marburg, 1913, стр. 68—74.

³⁵ См.: Th. Frings, Rheinische Sprachgeschichte, Essen, 1924, стр. 18—19; Kulturströmungen..., карты 61, 65.

нии. Ср., например, в южномозельском говоре Обергама: *dat ionət «das Junge», tgrūzət «das Grosse»*, но с перебоем: *ə grūzəs dorəf «ein grosses Dorf»*. И здесь, повидимому, имели значение неударность и неизменяемость окончания, а также обособление формы в специальном синтаксическом значении.

2. Грамматический характер имеет и сохранение бесперебойной *-t* в слабых глаголах при последующей ассимиляции с суффиксальным *-t* прошедшего времени и причастия II, в особенности в случаях, где так называемый «обратный умлаут» (Rückumlaut) способствовал изоляции этих форм. Тип *setzen* — прошедшее время *satte*, причастие II *gesatt* распространен в рейнских говорах далеко за пределами рипуарского (в мозельском, лотарингском, люксембургском). Ср. *gəsat «gesetzt»*, *gənāt «genetzt»* (от *netzen*), *gəsmolt «geschmolzen»* (от *schmelzen* с переходом в слабые). Без перебора встречаются и степени сравнения: от *gross* — *grētar*, *grētst* (вероятно, из удвоения — **gretter*, **grettest*).

3. Основную группу лексических реликтов образуют слова местного, областного распространения, бытовые и узко профессиональные — провинциализмы, не имеющие верхненемецких соответствий в словарном составе национального литературного языка. Например, *welk «Docht»* (= фитиль), *brök «Hose»* (= брюки), *fuken «Fischreusen»* (= мерёжка), *štut «Semmel»* (= белая булочка), *plüten «Lumpen»* (= тряпка), *töt «Giesskanne»* (= лейка), *kür «Tragkorb»* (= корзина для ношения за спиной), *knip «Messer»* (= складной ножик) и ряд других. Сюда же относятся слова интимного или вульгарного просторечия, мало употребительные в высоких стилях языкового общения. Например, *tef «Hündin»* (= сука), *šnūt «Schnauze»* (= морда), *knipen «kneifen»* (= щипать, в идиоматическом значении «ein Auge zukneifen» = закрывать глаза на что-нибудь), *ap «Affe»* (= обезьяна) — только как бранное слово («*du Affe!*»), тогда как для названия животного употребляется литературное *af*, и ряд других. Границы распространения этих слов различны и не всегда установлены: известно, однако, по материалам атласа, что *ap «Affe»* сохранилось без перебора лишь в центральной части рипуарского, тогда как *tef «Hündin»* захватило и северную половину мозельского диалекта, поднимаясь по Рейну почти до Кобленца, где оно сталкивается с верхненемецкими диалектными синонимами *zaub*, *zill*, *zatz*³⁶.

4. Сохраняются без передвижения некоторые слова, в которых наличествовало весьма значительное расхождение с соответствующей верхненемецкой формой: например, очень широко *tüšə «zwischen»* (= между), *bāten «nützen»* (= годиться, приносить пользу, от инем. наречия *bat «besser»* — срвнем. *baz*) и некоторые другие. Энгельс отметил широкое распространение общей «всем франкам, даже нидерландцам», бесперебойной формы *baten* на всем протяжении рейнско-франкского, в частности, и в южной его части, в пфальдском диалекте, в выражении: *ʔs badd alles nix «es hilft alles nichts»*³⁷.

5. В ряде случаев сохранение бесперебойных форм позволило избежать омонимии, что содействовало улучшению языка как средства общения. Это относится в особенности к таким употребительным словам общенародного словарного фонда, как, например, *dep «tief»* (= глубокий), которое при наличии перебора дало бы *def*, совпадающее в рипуарском со словом *def «Dieb»* (= вор), или *šipər «Schäfer»* (= пастух), которое совпало бы при передвижении с *šifər «Schiffer»* (= корабельщик), или к упомянутому *op «auf»*, сохранившему эту форму в отличие от *of «ob (oder)»*³⁸.

³⁶ См. «Kulturströmungen...», карты 65 и 55.

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 439.

³⁸ T. H. Frings, Germania romana, стр. 210.

6. Свидетельством борьбы, происходившей в прошлом между новыми формами с передвижением и старыми без передвижения, являются, как обычно в таких случаях, контаминации, характерные в особенности для южной части среднефранкского (мозельских говоров). Таким признаком фонетического компромисса является наличествующий в некоторых словах переход *-t* (после гласного) не в спирант *-s* (*ss*) в соответствии с общим законом передвижения, а в аффикату *-ts* (из ннем. *-t + внем. -s*). Ср. рицуарское и мозельское *šuts* «Schuss» (из *šut + šus*); мозельское *flöts* «Floss», *gats* «Gasse» и др.

Сходный характер имело вытеснение нижненемецкого и в некоторых других районах, пограничных с верхненемецким, например, в северной полосе тюрингенского и верхнесаксонского с городскими центрами Мансфельд, Галле, Виттенберг и др. (XIV—XVI вв.) или в таких нижненемецких городах, как Берлин, Магдебург и некоторые другие. Городской диалект Берлина, первоначально нижненемецкий, является уже с XVII в. верхненемецким по основным признакам как своего вокализма, так и консонантизма³⁹. Этот тип городского диалекта господствует в границах большого Берлина и окружающего района и в других городских центрах Бранденбурга. Остатками вытесненных нижненемецких элементов в городском диалекте Берлина являются, в частности, бесперебойные реликты: уже известные нам слабударные местоимения *ik* (*ikə*) «ich», *wat* «was», *det* «das», *et* «es»; средний род прилагательных с неударным окончанием *-et* (*armat* «armes», *fröset* «grosses» и т. п.), слабударный суффикс уменьшительных *-ken* «-chen» (*biskan* «bischen», *fritskan* «Fritzchen»), лексически изолированные слова бытового просторечия, частично также уже отмеченные в других диалектах: *šnüte* «Schnauzer», *šiten* «scheissen», *telə* «Hündin» (внем. *zil*), *pöte* «Pfole», идиоматическое выражение *det is mir pīp* «das ist mir einerlei» (от ннем. *pīpə* «Pfeife») и немногие другие.

Как видно из сопоставления примеров, относящихся к разным языковым районам, в процессе лексического вытеснения также наличествует закономерность, но это закономерность особого порядка, которую можно было бы назвать фонетической аналогией: *wasser* вытесняет *water*, как *essen* вытесняет *eten*; *hoffen* вытесняет *hopen*, как *offen* вытесняет *open* и т. п. Верхненемецкие формы на *s* (вместо ннем. *t*) или на *f* (вместо ннем. *p*) становятся нормой, поддержанной перевесом одного диалекта над другими, его социальным авторитетом (в ряде случаев еще задолго до образования литературной нормы национального языка). В результате для большинства слов, входящих в определенный фонетический ряд, устанавливается единство вторичного происхождения, которое отличается по своему генезису от постепенных артикуляционных изменений фонетического порядка (звуковых законов), но может совпадать с ними по своим результатам. Из этого единства выпадает (по определенным, выше перечисленным основаниям) лишь сравнительно незначительная группа реликтов. Сопоставление различных случаев сверхнемецения нижненемецкого диалекта (например, на Рейне и в Бранденбурге) показывает, что типы подобных реликтов, в основном, одинаковы, а иногда это даже одни и те же слова, что опять-таки подтверждает закономерный характер этого процесса.

Лишь там, где в результате очень значительного фонетического расхождения произошел разрыв фонетических ассоциаций между словами, первоначально входившими в один звуковой ряд, могли образоваться зна-

³⁹ См. А. L a s c h, *Berlinisch*, Berlin, 1929. Ср. В. М. Ж и р м у н с к и й, *Востоčno-средненемецкие говоры и проблема смешения диалектов*, сб. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 143—151.

чительные несовпадения границ и между словами общенародного языка в зависимости от их лексического значения, частоты употребления, а следовательно, и относительной быстроты продвижения. К этим случаям относится, в частности, и классический пример ступенчатого продвижения по Рейну таких форм, как *seks* против *sēs*, *oks* против *ōs*, *waksen* против *wāsen* (конкурирующие формы являются здесь результатом полярного развития: в нижнегерманском герм. *hs* > *s* с заменительным удлинением предшествующего гласного, в южногерманском герм. *hs* > *ks*). Лишь в отношении этих крайних случаев справедливо неправильное в общей форме положение диалектографов, будто каждое слово, входящее в фонетический ряд, имеет свою границу и свою судьбу: иными словами, только здесь принцип лексический господствует над фонетическим.

Таким образом, реликты, контаминации, адаптированные формы, столкновения омонимов и прочие явления, установленные лингвистической географией, представляют, в сущности, такие же поправки к принципу закономерности звуковых изменений, как открытая в свое время младограмматиками грамматическая аналогия. Существования звуковых законов они не опровергают.

6

С вопросом о звуковых законах тесно связан вопрос о диалектах и их границах. Фетишизация методики изоглосс с неизбежностью приводила представителей лингвистической географии к изолированному рассмотрению отдельных языковых явлений, часто даже отдельных слов, вне связи с общей фонетической и грамматической системой диалекта. Такая атомизация изолированных диалектных признаков по изоглоссам породила в зарубежной лингвистической географии, главным образом французской, ошибочную теорию, отрицающую реальность диалектов. Этому способствовала в особенности, как уже было сказано, редкость сети, которой пользовался Жильерон, в связи с чем регистрировались лишь пространственно изолированные языковые свидетельства. Играла определенную роль и установка Жильерона преимущественно на «словарную географию», т. е. на лексическую синонимичку говоров. «Мы должны отбросить понятие диалекта в качестве основы научного исследования, — писал Жильерон. — Изучению диалекта мы противопоставляем изучение слова».

Методологическую основу этого негилистического отрицания диалектов обычно ищут в теориях Шухардта⁴⁰, но в 1870—1880-х годах оно господствовало и в учении противников Шухардта — классических представителей младограмматической школы. Во Франции эту точку зрения пропагандировали в своем журнале «*Romania*» учителя Жильерона Поль Мейер и Гастон Парис. Поль Мейер называет диалекты «весьма произвольной концепцией нашего ума», основанной на определении «словесном, а не реальном» («*definitio nominis*», не «*definitio rei*»). Границы отдельных диалектов на территории Франции переплетаются и пересекаются и почти нигде не совпадают между собой: от субъективного произвола исследователя зависит признание тех или иных признаков решающими при проведении границ между диалектами. Задача исследователя должна ограни-

⁴⁰ Ср.: Н. Schuchardt, *Der Vokalismus des Vulgärlateins*, Bd. III, Leipzig, 1868, стр. 32; е го же, *Über die Klassifikation der romanischen Mundarten* (Leipziger Probevorlesung, 1870), Graz, 1900; ср. Г. Шухардт, *Избранные статьи по языковедению*, М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950, стр. 122—140.

чиваться установлением района географического распространения каждого отдельного признака⁴¹. Эту задачу и выполнил позднее в своем атласе ученик Поля Мейера — Жильерон.

Согласно утверждению Гастона Париса (другого учителя Жильерона), совпадающему и с теорией Шухардта, романские диалекты образуют языковую непрерывность с постепенной и незаметно расходящимися признаками. «В действительности диалектов не существует», — заявляет Гастон Парис. «Народные говоры, — говорит он, — незаметными оттенками переходят друг в друга. Крестьянин, который знал бы только говор своей деревни, несомненно мог бы понять соседний, с большими трудностями — говор селения, лежащего еще дальше в том же направлении, и так далее, вплоть до такого места, диалект которого он мог бы понять лишь с крайним трудом»⁴².

Сходные положения развивал и Герман Пауль, ведущий теоретик младограмматиков, в своих «Основах истории языка»: «Каждое языковое изменение, а тем самым и происхождение каждой особенности диалекта, имеет свою особую историю. Граница ее распространения не имеет значения для других границ». «Если в связанной языковой области провести границы для всех наличествующих диалектных особенностей, то мы получим чрезвычайно сложную систему многообразно перекрещивающихся линий. Точное деление на группы и подгруппы невозможно». «Поскольку уравнивающее воздействие сношений не допускает существования слишком резких различий между соседними районами, связанными между собой такими сношениями, то почти каждая маленькая группа представляет переходную ступень между двумя соседними ... При таком характере отношений между диалектами взаимное понимание между соседними районами нигде не встречает препятствий, т. е. отклонения слишком незначительны и к тому же привычны для соседей, тогда как между далеко отстоящими друг от друга районами могут наличествовать различия, делающие взаимное понимание невозможным»⁴³.

Мы находимся здесь у методологических истоков так называемой теории «лингвистической непрерывности», которую недавно так неудачно пытался возродить С. П. Толстов, с той только существенной разницей, что младограмматики говорили о диалектах одного языка, тогда как С. П. Толстов, следуя за Н. Я. Марром, некритически смешивает диалекты с «самостоятельными языками» вопреки очевидному смыслу тех наблюдений Н. Н. Миклухо-Маклая над папуасами Новой Гвинеи, на которые он ссылается как на подтверждение своей теории. Миклухо-Маклай говорит отнюдь не о различных языках, а о «наречиях», т. е. о диалектах. («Почти в каждой деревне берега Маклая — с о е и а р е ч и е»⁴⁴).

Из этих теоретических установок младограмматики обычно делали вывод, что объектом изучения диалектолога должно быть не наречие (понятие условное, произвольно сконструированное и противоречивое), но говор

⁴¹ P. M e y e r, [реп. на ки:] «Archivio glottologico italiano diretto da G. I. Ascoli, t. III („Schizzi franco-provenzali“), «Romania», Paris, 1875, № 14, стр. 293—296.

⁴² G. P a r i s, Les Parlers de la France (Lecture faite à la réunion des Sociétés savantes 26 мая 1888), в кн. «Mélanges linguistiques», t. II, Paris, 1907, стр. 432—448; см. там же, стр. 434.

⁴³ H. P a u l, Principien der Sprachgeschichte, Halle, 1880, стр. 237—240.

⁴⁴ См. С. П. Т о л с т о в, Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», М.—Л., 1950, № 4, стр. 18—19. Ср. Н. Н. М и к л у х о - М а к л а й, Путешествия, т. I, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 243 (разрядка моя.— В. Ж.).

отдельного населенного пункта, а при дальнейшей возможной дифференциации внутри этого говора (по признакам возраста, пола, социального происхождения и т. п.) — индивидуальный говор данного субъекта (в немецких условиях обычно самого исследователя) — своеобразного лингвистического Робинзона, согласно теории младограмматиков — единственного творца и носителя языка. Напротив, лингвистическая география в лице Жильерона пошла по другому пути, объявив единственной лингвистической реальностью слово и границу его распространения (изоглоссу). И в том, и в другом случае сказалось характерное для буржуазного языковедения пренебрежение к языку как социальному явлению и к народу как его творцу и носителю.

Между тем более углубленные диалектографические исследования полевого характера (в Германии в особенности уже названные работы Хаага) вскоре с очевидностью показали, что представление о равноценности изоглосс как лингвистических границ не соответствует действительности. Диалектные признаки, одинаково отражающиеся на картах лингвистического атласа как изоглоссы, на самом деле отличаются друг от друга и по своей древности и устойчивости, и по количеству и употребительности охватываемых ими слов, и по своему значению для фонетической или грамматической системы языка. Соответственно этому следует различать границы разных степеней и разного характера. При этом изоглоссы различных явлений далеко не всегда изолированы, нередко полностью или частично совпадают друг с другом, образуют «пучки», обычно совпадающие с границами общения, с хозяйственно-политическими территориями эпохи феодализма. Несмотря на наличие на периферии диалекта переходных говоров (так называемой «зоны вибраций»), отчетливо выступает единство его основного «ядра».

Эти несомненные факты, обнаруженные более углубленным изучением данных лингвистической географии, возвращают нас к понятию диалекта, но требуют новой, критической интерпретации этого понятия. При сопоставлении карт диалектологического атласа, опирающихся на сплошное обследование и пользующихся методикой изоглосс, диалект теряет свой статический характер неподвижной, структурно замкнутой системы признаков, прямолинейно восходящей по принципу родословного древа к общей основе с другими, также структурно замкнутыми системами родственных диалектов. Диалект представляет единство не исконно данное, а сложившееся исторически, в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции: единство развивающееся, динамическое, как о том свидетельствует характер изоглосс языковой карты, наглядно отражающей связь истории языка с историей народа.

Попыткой критического пересмотра понятия «диалект» является и учение немецкой диалектографии о так называемых «языковых ландшафтах» (Sprachlandschaften) — термин, заимствованный из геологии и уже потому не очень удачный. В работах проф. Фрингса и его школы особенно ярко выступает тенденция к социально-историческому обоснованию понимания языкового ландшафта (связь языковых границ с границами средневековых политических территорий, с путями хозяйственных и культурных сношений, с движением колонизационных потоков и т. п.). Коллективы ученых, работавшие под руководством проф. Фрингса сперва над изучением рейнских, потом восточно-среднемецких диалектов, выдвинули новую задачу комплексного картографического изучения местной

истории, диалектологии и этнографии⁴⁵. Однако и немецкая лингвистическая география не преодолела методологической односторонности, тесно связанной с особенностями её методики.

Атомизация языковых явлений на картах зарубежных диалектологических атласов обычно определяет и дальнейшую методику основанных на материале этих атласов исследований по исторической диалектологии: диалектограф изолирует отдельные, единичные явления фонетики, грамматики или лексики, пользуясь ими как дифференциальными признаками, вне их связи с фонетической или грамматической системой диалекта в целом. Так, противопоставления сев. *söster* — южн. *schwester*, сев. *indi* — южн. *undi* «*und*», сев. *fläsch* — южн. *flasch* «*Flasche*» и т. п. одинаково могут служить иллюстрацией продвижения южных форм на север по течению Рейна, соответствующего общему направлению культурных воздействий немецкого юга на север; ступенчатое продвижение южн. *seks* против сев. *sēs*, *oks* против *ōs*, *waksen* против *wāsen* намечает границы основных феодальных территорий, задерживавших распространение этих форм; присутствие среднефранкского *drūge* «*trocken*» в восточно-средне-немецких диалектах служит неопровержимым доказательством наличия в Верхней Саксонии колонистов из области Кёльна-Трира; географическое распределение различных форм местоименного наречия *wie* «как» — англо-фризское и нидерландское («ингвеонское») *hu* (*how*, *hoe*), нижне-немецкое *wo*, верхне-немецкое *wie* (гот. *hwaiwa*) — позволяет восстановить в современных германских языках и диалектах старое, засвидетельствованное у Тацита деление древнегерманских племен на игвеонов, иствеонов и гермионов и их древнейшие исторические связи⁴⁶. Эти изолированные диалектные признаки играют роль своего рода «примет» для блестяще разработанной методики, цель которой — интерпретировать историческую динамику языковой карты. Однако развитие и характер таких, например, диалектов, как рипуарский, мозельский или верхнесаксонский, определяется не этими изолированными «приметами», а всей совокупностью их фонетических и грамматических особенностей и прежде всего такими общими закономерностями фонетической системы диалекта, как, например, сохранение или потеря звонкости смычными, спирантное произношение *b* и *g* между гласными, в начальном или конечном положении, наличие или отсутствие дифтонгизации или стяжения дифтонгов. Поэтому для изучения диалекта в целом и внутренней истории его развития приходится и сейчас обращаться к монографическим описаниям отдельных говоров, с тем чтобы путем сопоставления подобных описаний восстановить более широкую картину географического соотношения этих говоров и историю их внутреннего развития.

Это относится в особенности к грамматическим (морфологическим) признакам диалектов, которым лингвистическая география уделяла сравнительно мало внимания, поскольку Жильерон и его школа выдвигали преимущественно проблемы словарной географии, тогда как в анкете немецкого атласа на первом плане стояли вопросы фонетики. Действительно, для проблематики языковых движений, отраженных в динамике диалектологической карты, явления фонетические и лексические обычно более показательны, чем морфологические, в особенности — в языках с бо-

⁴⁵ См. сборники: H. Aubin, Th. Frings, J. Müller, Kulturströmungen und Kulturprovinzen in den Rheinlanden. Geschichte, Sprache, Volkskunde, Bonn, 1926; W. Ebert, Th. Frings, K. Gleissner, R. Kötschke, G. Streitberg, Kulturräume und Kulturströmungen im mitteldeutschen Osten, Halle, 1936.

⁴⁶ Th. Frings, Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache, Halle, 1948, стр. 38, 42 и карта 50.

лее или менее редуцированными морфологическими признаками, как французский или немецкий. Грамматические формы в процессе междиалектного общения заимствуются сравнительно редко, главным образом когда они имеют лексически изолированный характер (как, например, личные местоимения). Их изменения, в основном, определяются внутренними законами развития языка, которые в разных его диалектах нередко идут параллельными, хотя во многом и расходящимися путями. Подобные расхождения определяются взаимодействием всех элементов системы данного диалекта — как грамматических, так и фонетических. Установить эти внутренние законы с учетом их сходства и различия может лишь сравнительная грамматика диалектов.

Но этот круг вопросов лежит уже за пределами диалектографических исследований и требует специального рассмотрения.